

О РЕВИЗИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Автор считает, что вся международно-правовая система, касающаяся парадигмы права на самоопределение, безнадежно устарела и требует радикальной ревизии. Предлагаются некоторые принципиальные подходы к реформированию этой системы.

Ключевые слова: право на самоопределение, нация, этнос.

Мне неоднократно, по разным поводам приходилось писать о проблемах, связанных с концептуализацией и реализацией права на самоопределение [1: 233–244; 2: 3–16; 3; 4: 199–202; 5: 157–161; 6: 5–23; 7: 174–190]. И всякий раз удручало сознание того, что ничего конструктивного и альтернативного существующим в международном праве положениям, касающимся этой категории, в голову не приходит, а бесконечно критиковать без предложения чего-то иного и конкретного становится уже неинтересно и малопродуктивно.

Вкратце изложу суть моих соображений относительно этих проблем, опуская многие и не только второстепенные аспекты, которых я уже касался в предыдущих публикациях.

1. Международные нормы, призванные регулировать право на самоопределение, разрабатывались большей частью в 1940–1960-е годы для нужд управления процессами деколонизации. Ныне ситуация радикально изменилась – приходится иметь дело с претензиями на самоопределение в рамках существующих государств и, к тому же, являющихся членами ООН, что предполагает признание и гарантию их суверенитета и территориальной целостности. В этих условиях право на самоопределение зачастую вступает в противоречие с Уставом ООН и другими международно-правовыми документами, например, с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), который декларировал нерушимость послевоенных границ и территориальную целостность европейских государств.

А.Х. Абашидзе приводил в своей книге заключение одной неправительственной организации, сделанное еще в 1993 г.

«Развитие **концепции права на самоопределение** поддерживают ученые и международные неправительственные организации. Представляют интерес в этом отношении изыскания организации “Защитники прав человека”. Эта организация утверждает: “Существующий подход международного сообщества к требованиям о самоопределении страдает целым рядом недостатков: 1) международное право рассматривается как страж всемирного status quo; 2) всегда запаздывает реакция мирового сообщества; 3) международное сообщество реагирует крайне неохотно; 4) подход международного сообщества – евро-центристский; 5) установлены немногочисленные жесткие стандарты, не годные к применению; 6) отсутствует прину-

дительный механизм гарантий этих стандартов; 7) требования о самоопределении рассматриваются лишь после падения центрального правительства и завершения конфликта; 8) зачастую международное сообщество упускает из виду конечную цель требований о самоопределении, а именно откликнуться на волю народа...» [8: 199]. Нельзя сказать, что это исчерпывающий перечень недостатков применения права на самоопределение и что тут не с чем поспорить. Но в основном, на мой взгляд, суть спектра проблем обозначена верно. И главное – это то, что отмечено в п. 8.

Аргументированная критика доктрины самоопределения звучит уже несколько десятилетий, однако за это время фактически ничего альтернативного и позитивного предложено не было. Складывается впечатление, что никто не хочет связываться с решением столь сложной проблемы, неизбежно предполагающим выработку каких-то радикальных подходов.

2. Применительно к современным политическим реалиям мироустройства основные, но, наверняка, не все вопросы, возникающие при анализе означенных проблем, мне видятся так: «... в чем суть права на самоопределение; кто и кем может быть признан его обладателем; как оно должно рассматриваться в контексте соотношения индивидуальных и коллективных прав; каковы механизмы осуществления права на самоопределение; где это право должно заканчиваться, чем и кем ограничиваться; приоритет национального или международного права должен действовать при реализации принципа самоопределения?» [6: 14].

3. В контексте этих вопросов практическую политическую значимость приобретают академические дискуссии вокруг понятий «этнос», «нация», «народ»: о чем следует говорить – о праве наций, народов или этнических общностей на самоопределение? Или же эти и близкие им понятия вообще надо исключить из международно-правовой риторики, тем более что придать им четкую правовую определенность едва ли возможно? И такая мысль уже высказывалась [8: 183–184].

Я все более склоняюсь к тому, чтобы оперировать более общими, но, как ни странно, и более инструментальными понятиями, вроде «территориальное (региональное) самоопределение», «культурно-территориальное самоопределение» или как-то еще в этом духе [6: 20], имея в виду увеличивающуюся этнокультурную мозаичность и интенсивные интеграционные процессы, которые способствуют формированию именно особых субнациональных и синтетических в этнокультурном отношении территориальных общностей.

На эту мысль наводят, в частности, создание и до сих пор (в течение уже более четверти века!) довольно устойчивое существование Приднестровской Молдавской Республики, провозглашение Донецкой и Луганской народных республик, референдум в Крыму. На мой взгляд, все эти акты самоопределения состоялись в рамках именно таких регионально-культурных сообществ. О Каталонии и говорить нечего – в Испании существует система регионального (а не этнического) федерализма.

Надо опять констатировать, что я не предлагаю чего-то принципиально нового. Еще в 1990-е годы высказывалось мнение, что право на самоопределение надо передать от наций или каких-то иных групп людей, фигурирующих в контексте этой проблемы, территориальным сообществам [8: 197]. Однако это предложение не нашло отклика и вообще сколько-нибудь серьезного внимания.

Требуются, однако, некоторые оговорки.

Во-первых, сделанный мной акцент на территориально-культурном факторе (а к нему надо, конечно, добавить еще прочную систему экономических связей внутри данного региона, если она сложилась), отнюдь не отрицает самоопределения собственно этно-территориального. Территориальное (культурно-региональное) самоопределение может распространяться на любые типы локализованных человеческих сообществ, сознающих себя в качестве претендентов на это право.

Во-вторых. Практически все особые регионы, выделяемые (как края и области в РФ) или не выделяемыми административными границами (как, например, Новгородия), могут рассматриваться в качестве тех самых субнациональных общностей с соответствующим самосознанием значительной части населения. Однако случаев стремления к сецессии в мировом масштабе, да и в рамках подавляющего большинства стран мира, сравнительно мало. А дело, видимо, в том, что только в определенных, критических условиях именно региональное самосознание может резко обостряться и подавлять самосознание общенациональное (если, конечно, последнее успело сложиться). На Украине, а до того в Приднестровье, это и случилось. Но региональное самосознание может отступать на второй план с изменением политической ситуации: это произошло с Крымом, который сменил государственную прописку и в результате перестал быть чужим для нашего государства, куда он впрочем стремился как минимум со времени распада СССР, но уже в другом государстве (куда он, впрочем, стремился как минимум со времени распада СССР); то же самое наверняка произошло бы в случае присоединения Донбасса к России.

4. Главная, наиболее сложная и драматичная коллизия связана с самоопределением в форме сецессии – выходом части территории государства из его состава. Реализация этого типа самоопределения обязательно ведет к нарушению чьих-то прав и интересов, сопряжена с практически неизбежными конфликтами, насилием, войнами.

Оценивая движения за самоопределение последних десятилетий в разных странах мира, приходишь к мысли, что они имели, по сути, сугубо *ситуативный характер* [6: 20], то есть определялись спецификой ситуации в соответствующих странах и внешней конъюнктурой, а не смутными международно-правовыми нормами, которыми можно манипулировать в своих интересах – как сторонниками самоопределения в данных конкретных случаях, так и его противниками. Ясно, что такого рода *ситуативное самоопределение* не может быть признано в качестве нормы, поскольку оно установило бы только одно право – право сильного. Это, своего рода «прецедентное право» сильного и наглое, хорошо демонстрируется, с одной стороны, коллизиями в духе решения Международного суда ООН в Гааге (1 декабря 2008 г.) о законности одностороннего провозглашения независимости Косова от Сербии, а с другой стороны, упорным нежеланием западных держав признать правомерность самоопределения Абхазии, Южной Осетии, Крыма, Донбасса.

На мой взгляд, выход из сложившегося положения вещей в области права на самоопределение может состоять в *капитальной ревизии* всего корпуса соответствующих международных и национальных правовых норм и подпирающих эти нормы концептуальных ориентиров и идеологических установлений. Если продолжать игнорировать или бесконечно откладывать проблему и не говорить о ней, то и решить ее будет невозможно никогда.

Разумеется, с моей стороны было бы крайне самонадеянно и нескромно заявить, что я знаю, как это все сделать. Но, все же, некоторые самые принципиальные сооб-

ражения я позволю себе высказать с надеждой, что заинтересую коллег и, возможно, спровоцирую развитие этой темы на страницах «Вестника антропологии».

Итак, вот мой краткий ревизионистский «план-проспект».

1. Самоопределение признается в качестве неотъемлемого права *человека и групп людей на основании осознания ими своих потребностей и интересов, а также этнической, культурной, расовой, языковой и религиозной особенности.*
2. Самоопределение на индивидуальном уровне заключается в свободном выборе человеком своей групповой идентичности, языка, религии (или отсутствия таковой), образовательной среды, культурной ориентации. Право на индивидуальное самоопределение вступает в силу по достижении человеком совершеннолетия и полноправия в рамках законодательства данного государства. Никто не имеет права навязывать человеку против его воли какую-либо идентичность, независимо от его происхождения. В советское время такое навязывание было возможно административным способом – за счет знаменитого пункта в паспорте и в других личных документах о национальной принадлежности человека. После его отмены соответствующее воздействие на личность может осуществляться через общественное мнение, пропаганду в СМИ, неофициальное давление властей, например, при проведении переписей населения.
3. Самоопределение на групповом уровне может осуществляться в следующих формах.

Экстерриториальная национально-культурная автономия, обеспечивающая при необходимости создание специальной инфраструктуры, создающей возможности для поддержания языка, культуры, вероисповедания данной группы.

Создание таких ЭНКА осуществляется на основе *национального законодательства*, а в спорных случаях при участии (консультации, посредничество и пр.) ООН или иных облеченных соответствующими полномочиями международных организаций.

Территориальная автономия в рамках существующих государств создается на основе тоже *национального законодательства* посредством референдума среди всего населения данной территории с последующим рассмотрением и утверждением (или не утверждением) его результатов верховной государственной властью. Характер и объем полномочий автономии определяется *национальным* же законодательством.

Границы такой автономии устанавливаются с учетом мнения компактно проживающего населения данной территории, проголосовавшего против ее учреждения. Территория, занимаемая этой группой населения, исключается из состава создаваемой автономии.

Создание автономии не должно нарушать принципов суверенитета и территориальной целостности государства. Спорные случаи могут регулироваться при участии ООН или иных облеченных соответствующими полномочиями международных организаций.

Территориально-автономная форма самоуправления неплохо апробирована опытом разных стран (прежде всего, Советского Союза и постсоветской Российской Федерации). Но и здесь есть сложности, во многом связанные с неразработанностью этой темы в международном праве [8: 194]. В частности, возникает вопрос о

различении автономной и федеративной систем политико-территориального государственного устройства. Поэтому, кстати, в научной литературе испанская система трактуется то так, то этак¹.

На мой взгляд, главная коллизия заключается вот в чем. В случае автономизации обычно имеется в виду унитарное государство с некоторыми территориями, обладающими особым, привилегированным статусом и соответствующими правами, которые не имеют другие регионы страны. Под федеративной системой понимается разделение всей (или почти всей, если есть еще те самые автономии) страны на равностатусные и, соответственно, равноправные, своего рода субгосударственные политико-территориальные образования.

В обоих случаях встает, по сути, главный вопрос – вопрос об объеме полномочий автономий и субъектов федерации. А если взять пример советской государственной системы, во многом сохраняющейся и в современной Российской Федерации, то получается довольно сложно. Мало того, что в составе некоторых регионов РФ есть автономии, субъекты федерации – республики, с одной стороны, и края и области, с другой стороны, обладают разными статусами и реальными правами. Республики демонстрируют своеобразный симбиоз принципов федерализма и привилегированного автономизма – потому, что они понимаются как «национальные», то есть привязанные к соответствующему «титовому» этносу². У нас для этого экзотического варианта придумали даже термин «ассиметричная федерация» – очевидно, для того, чтобы не трогать строение РФ.

Сецессия – выход определенной территории из состава данного государства и создание собственной государственности или вхождение в состав другого государства. Вопросы сецессии решаются на референдуме с участием всего населения соответствующей территории, при этом население, проголосовавшее против сецессии, имеет право остаться в составе материнского государства с занимаемой им компактной территорией.

Результаты референдума рассматриваются верховной государственной властью на предмет соблюдения соответствующих законодательных норм и процедур – совместно со специально создаваемой для *каждого такого случая* комиссией ООН: в состав комиссии и корпуса экспертов не могут входить представители приграничных государств.

Нарисованная схема может, вероятно, показаться слишком куцей по содержанию и наивной с точки зрения правил сочинения правовых документов. Но я и не претендовал ни на полноту отражения соответствующей проблематики, ни на вторжение в область профессиональной юриспруденции на ниве международного права. Моя позиция – это позиция человека, работающего в русле этнополитических исследований.

Рисуя эту схему, я специально избегал общих, декларативных положений, сосредоточившись на *некоторых* конкретных вопросах, которые мне представляются особенно важными в контексте проблемы самоопределения. Международное право в данном вопросе насыщено именно декларативными благопожеланиями, а конкретики, соответствующей современным условиям миропорядка, нет.

Примечания

- ¹ Проблема усугубляется, как это часто бывает в контексте (этно)политической тематики, сугубо терминологическими нюансами. Характерный пример – Швейцарская Конфедерация, которая реально является «образцово-показательной» федерацией с точки зрения принципов ее организации.
- ² А еще бывают попытки внести элементы конфедерализма. Это было в СССР в 1990 – 1991 годах, когда некоторые союзные республики требовали предоставить им право самостоятельной внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Это было и в Российской Федерации после распада СССР. Или, например, Бавария традиционно, по разным поводам, периодически проявляет желание проводить собственную политику, противоречащую позиции руководства ФРГ.

Литература

1. Чешко С.В. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 233–244.
2. Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2. С. 3–16.
3. Чешко С.В. *Распад Советского Союза: этнополитический анализ*. М.: ИЭА РАН, 1996. 304 с.
4. Чешко С.В. Рец. на: Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. – М.: ИЭА РАН, 2014. 214 с. // *Вестник антропологии*, 2014. № 1(28). С. 199–202.
5. Чешко С.В. Рец. на: Губогло М.Н. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования Референдума в Крыму 16 марта 2014. Кишинев: Ф.Е. – Р. «Tipografia Centrală», 2014. 222 с. // *Вестник антропологии*, 2015. № 2(30). С. 157–161.
6. Чешко С.В. «Русский вопрос» в этнополитическом контексте // *Вестник антропологии*, 2018. № 2 (42). С. 5–23.
7. Cheshko S. The challenges of self-determination // *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State* / edited by Marina Martynova, David Peterson, Roman Ignatiev & Nerea Madariaga. Moscow: IEA RAS, 2015. Pp. 174–190.
8. Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: «Права человека», 1996. 476 с.

References

1. Cheshko S.V. Doktrina samoopredeleniia: illiuzii i real'nost'. *Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetских obshchestv*. V.S. Malakhova i V.A. Tishkova (eds). M.: IEA RAN, 2002. Pp. 233–244. (In Russ.) [Cheshko S.V. The Doctrine of Self-Determination: Illusions and Reality / Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies. Ed. by V.S. Malakhov and V.A. Tishkov. Moscow: IEA RAS, 2002. Pp. 233–244]
2. Cheshko S.V. Krizis doktriny samoopredeleniia. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001. No. 2. Pp. 3–16. (In Russ.) [Cheshko S.V. The Crisis of the Doctrine of Self-Determination. *Ethnographic Review*, 2001. No. 2. Pp. 3–16]
3. Cheshko S.V. *Raspad Sovetskogo Soiuza: etnopoliticheskii analiz*. M.: IEA RAN, 1996. 304 pp. (In Russ.) [Cheshko S.V. *The collapse of the Soviet Union: ethno-political analysis*. Moscow: IEA RAS, 1996. 304 p.]
4. Cheshko S.V. Review to: Guboglo M.N. Strasti po doveriiu. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniia referendum v Gagauzii. Moscow: IEA RAN, 2014. 214 s. *Vestnik antropologii*, 2014. No. 1 (28). Pp. 199–202. (In Russ.) [Guboglo M.N. Passion by trust. The experience of ethno-political study of the referendum in Gagauzia. - Moscow: IEA RAS, 2014. 214 p.]

- Herald of Anthropology, 2014. No. 1 (28). Pp. 199–202].
5. Cheshko S.V. Review to: Guboglo M.N. Energiia doveriia. Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia Referenduma v Krymu 16 marta 2014. Kishinev: F.E. – P. «Tipografia Centrală», 2014. 222 p. *Vestnik antropologii*, 2015. № 2(30). Pp. 157–161. (In Russ.) [Guboglo M.N. The energy of trust. The experience of the ethnosociological study of the Referendum in the Crimea on March 16, 2014. Chisinau: F.E. - P. “Tipografia Centrală”, 2014. 222 p. *Herald of Anthropology*, 2015. No. 2 (30). Pp. 157–161]
  6. Cheshko S.V. «Russkii vopros'» v etnopoliticheskom kontekste. *Vestnik antropologii*, 2018. No. 2 (42). Pp. 5–23 (In Russ.) [«Russian Question» in the ethno-political context. *Herald of Anthropology*, 2018. No. 2 (42). Pp. 5–23]
  7. Cheshko S. The challenges of self-determination. *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State*. Ed. by Marina Martynova, David Peterson, Roman Ignatiev & Nerea Madariaga. Moscow: IEA RAS, 2015. Pp. 174–190.
  8. Abashidze A.Kh. Zashchita prav men'shinstv po mezhdunarodnomu i vnutrigosudarstvennomu pravu. Moscow: «Prava cheloveka», 1996. 476 p. (In Russ.) [Abashidze A.Kh. Protection of minorities rights in international and domestic law. Moscow: “Human Rights”, 1996. 476 p.]

Cheshko S.V. On the revision of the right to self-determination.

The author believes that the entire international legal system, concerning the paradigm of the right to self-determination, is hopelessly outdated and requires a radical revision. Some basic approaches to reforming this system are proposed.

Key words: *a right to self-determination, nation, ethnos.*